

УДК 811.161.1'374

СЛОВАРНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ НОВЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА В XVIII в. (на примере переводных словарей, словарей иностранных слов и энциклопедических изданий)

ГРИГОРЕНКО Ольга Владимировна,кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу лексикографических изданий XVIII в., включающих новые для русского языка слова. Выясняется специфика освоения новых слов в переводных словарях, словарях иностранных слов и некоторых энциклопедических изданиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неологизм, семантика, лексикография, неография, наименования лиц, заимствование, словообразовательные и семантические неологизмы.

GRIGORENKO O.V.Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department of Russian Language,
Modern Russian and Foreign Literature
Voronezh State Pedagogical University

DICTIONARY AND PRACTICAL ADAPTATION OF NEW WORDS IN RUSSIAN LANGUAGE IN THE XVIII CENTURY

(translated dictionaries, foreign words dictionaries and encyclopedic editions)

ABSTRACT. The article is devoted to an analysis of lexicographical editions of XVIII century including new words for the Russian language. The lexi specificity of the adaptation of new words in translation dictionaries, dictionaries of foreign words and encyclopedic editions is considered.

KEY WORDS: neologism, semantics, lexicography, neography, nouns devoting people, borrowing, word-formative and semantical neologisms.

Весь накопленный отечественной лингвистикой опыт изучения новых явлений, включающий уникальные исследования, посвященные анализу неологизмов разных периодов развития русского языка, которые были выполнены в конце XX – начале XXI вв., свидетельствует о том, что неология представляет собой вполне сформировавшееся научное направление современной русистики, предметом изучения которого являются новые факты языка. Е.В. Сенько в диссертационном исследовании отмечает: «В своем становлении новая научная специализация прошла ряд этапов: от постановки проблемы словарного обновления на базе материала словарных статей и публикаций в общественно-политических журналах до понимания системно-структурного характера названного понятия, требующего разноаспектного подхода для постижения его категориальной сущности, что обусловило зарождение отдельной области языкознания – неологии, науки о неологизмах (в более широком осмыслении – науки о новом» [1, с. 52].

Абсолютно бесспорно утверждение, что изменения в языке происходят постоянно. На любом этапе развития языка в его лексической или грамматической системе появляются новые элементы, которые так или иначе осознаются носителями языка. В наибольшей степени изменениям подвержена лексическая система как наиболее подвижная часть

языка. Первыми свидетельствами выражения языковой рефлексии по отношению к новым явлениям в словарном составе языка являются лексикографические издания, включающие новые слова. Поэтому именно практика лексикографирования новых слов является основой для диахронического анализа процесса неогенеза того или иного периода в развитии языка.

Как известно, начальный период славяно-русской лексикографии датируется XI в. Первые словарные труды возникли на ранних этапах развития письменности. Основная их функция – объяснение малопонятных («неразумных») слов в древних рукописных книгах. Толкование или перевод непонятого слова назывался глоссой (греч. «glōssa» – «язык», «речь»). Глоссы чаще всего делались на полях и между строк в тексте рукописи. В результате сведения глосс в единые перечни и появились первые словарики, присоединяемые к тому или иному произведению, получившие название глоссарии.

В XIII–XVIII вв. на Руси получают распространение азбуковники – анонимные рукописные сборники статей словарного, учебного, нравоучительного и справочного характера. Составителями (копиистами) и читателями азбуковников были горожане низшего и среднего сословий. По содержанию среди азбуковников выделяются словари иностранных

слов и сведений из разных областей знания; учебные пособия типа букварей, включающие базовые знания по арифметике, грамматике, религии, отчасти – истории и природоведению; воспитательно-дидактические руководства; а также смешанные издания.

Древнейший список словарного азбучника был помещен в Новгородской Кормчей книге 1282 г., написанной для новгородского епископа Климента, и озаглавлен так: «Речь жидовскаго языка, преложена на русскую, неразумно на разум, и в евангелиях, и апостолах, и в псалтыри, и паремии и в прочих книгах». По сути, это был первый известный на Руси словарь: автор его дал толкование 174 еврейским словам, встречающимся в богослужебных книгах. Второй словарный азбучник 1431 г. («Тълкование неудобъ познаваемом в писанных речем») объяснял 61 иностранное слово. Третий известный текст 1506 г. помещен Лаврентием Тустановским в Славянской грамматике и озаглавлен как «Лексис, сиречь речения вкратце собранная». В данном труде собрано и объяснено 1061 иностранное слово. В какой-то степени подобный тип азбучников похож на современные словари. Слова в них расположены в алфавитном (азбучном) порядке, каждое иностранное слово сопровождается более или менее пространным разъяснением (от одной-двух строк до страницы), иногда дается перевод на несколько языков. Подбор терминов – хаотичен и случаен. Позднее, в XVII–XVIII вв. этот тип азбучников превратился в словари практически современного типа. Именно азбучники XIII–XVI вв. отражают перемены в языке и общественном сознании того времени.

Исследованию азбучников как уникальных источников для изучения словарного состава русского языка периода средних веков на Руси посвящены работы М.П. Алексеева [2]; Л.С. Ковтун [3; 4; 5]. Анализируя рукописные сборники, Л.С. Ковтун приходит к выводу, что в «их составе объединены все древние словари, какие удалось разыскать книжникам XVI и XVII веков. В текстах азбучников как бы воплощена вся история лексикографии старшей поры» [5, с. 84]. Азбучники становятся объектом внимания и современных исследователей, работы которых посвящены анализу теоретических предпосылок становления неологии как науки (см. работы С.И. Алаторцевой, Е.В. Сенько, Т.В. Цалко, Л.Б. Гацаловой, Л.Ю. Касьяновой и др.)

Как отмечают исследователи, лексикографическое фиксирование новых лексических единиц в то время было продиктовано сугубо практическими потребностями – необходимостью объяснить непонятные иноязычные слова, вошедшие в русский язык из греческого, латинского, еврейского, некоторых других европейских языков, а также в значительном количестве слова, заимствованные из восточных языков. Такое целевое назначение словарных трудов сохранялось достаточно долго. Отмечалось оно и в эпоху бытования азбучников XVI–XVII вв. Исследователи отмечают, что среди материалов, включенных в азбучники в переходный период, все чаще оказываются латинские и западнославянские, а также слова из ряда западноевропейских языков – немецкие, нидерландские, итальянские, французские, английские и т.д. С конца XVI века и на протяжении всего XVII века заметно увеличивается число славянизмов и слов инославянских.

XVIII век становится первым периодом бурного развития отечественной лексикографии, отражающим эпоху решительных перемен в историческом развитии России.

Словари XVIII века разнообразны по типам, видам и назначению. В работе В.П. Вомперского содержится полный указатель лексикографических трудов XVIII века [6], включающий 277 наименований только печатной словарной продукции. В специальной литературе отмечается, насколько велика была динамика лексикографической практики на протяжении XVIII века. По подсчетам Л.С. Ковтун, основанным на анализе Указателя В.П. Вомперского, к первой четверти века относится 25 словарных работ, ко второй несколько меньше – 19, к третьей четверти – 50, а к последней четверти – 183 словарных труда. Словарные издания содержат бесценный материал для многих историко-лексикологических исследований, в том числе и для анализа новых явлений в лексике русского языка XVIII в. (см. работы И.М. Мальцевой, А.И. Молоткова, З.М. Петровой, Е.А. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной и др.).

Во многие словари недифференцированно включаются разные типы неологизмов той поры: в соответствии с современной классификацией их можно отнести к заимствованиям, словообразовательным и семантическим неологизмам. При этом, как показывают исследования, сведения, отраженные в различных лексикографических трудах, позволяют не только выявить начальные знания относительно понимания нового слова в русском языке, но и выяснить некоторые языковые позиции составителей словарей по отношению к данным типам новых слов, которые сами по себе являются весьма противоречивыми у разных авторов в разные годы на протяжении всего XVIII века.

В начале XVIII века в связи со значительными изменениями в политической, деловой и культурной жизни России особое внимание составители словарей уделяют заимствованиям, свидетельствующим о динамических изменениях в лексическом составе русского языка эпохи Петра I. По мнению многих исследователей, первым словарем, отразившим новизну языка петровской поры, был труд Я. Брюса «Книга лексикон или Собрание речей по алфавиту с Российского на голландский язык» 1717 года («Русско-голландский лексикон»). В данном издании представлены как освоенные иноязычные слова, так и осваиваемые, экзотические, редкие. Особенностью данного словаря является тот факт, что в качестве эквивалентов к иноязычным словам в нем нередко давались голландизмы и германизмы, принадлежавшие по времени своего появления в русском языке и степени освоения к отчетливым неологизмам, как например, *авантаж*, *бастион*, *гавань*, *кабинет*, *магнит*, *триумф* и др. [см.: 7, с. 70; 8, с. 6]. По подсчетам Е.Э. Биржаковой, исследующей особенности словаря, около 10% словарных строк содержат иноязычные заимствования. «Именно в РГЛ иноязычность занимает столь заметное место» [9, с. 34]. Словарь содержит окказиональные образования, которые, по наблюдениям исследователя, описаны только в этом источнике.

Анализ других переводных лексикографических изданий этого периода также позволяет судить о практике освоения новой иноязычной лексики.

Новые слова фиксируют в данное время разные издания «Немецко-латинского лексикона» Э. Вейсмана. Словарю принадлежит особое место в истории русской лексикографии, так как это был первый филологический труд недавно образованного высшего научного учреждения России – Санкт-Петербургской Академии Наук. Исследователи отмечают, что данный словарный труд в определенной степени отразил новизну лексического состава языка той поры, прежде всего иноязычную неологию. «Основная масса иноязычных эквивалентов корреспондировала с переводимой вокабулой (Skistig .. клистир; Liverey .. либерей; Lotterey .. лотерия; Major ... маеор; Masquerade .. маскарад; Noten ... ноты). В той или иной степени они были освоены русским языком и в своем большинстве являлись общеевропейскими. Они могли выступать в качестве единственного эквивалента, но чаще в составе эквивалентного ряда (Magazin .. магазин, анбар; Melancholisch .. меланхолический, печальный; Pallisaden .. полисады, колие, ограда; Patron .. патрон, благодетель, милостивец, заступник, защититель, предстатель).

Использование заимствованных слов, не совпадающих со словом-оригиналом, крайне редко (Lichtstock .. свечник, подсвечник, *шандал*; Psnier .. знамя, *штандарт*, *прапор*); преимущественно в названиях натуралей, некоторых терминов эквивалент соответствует латинскому наименованию (Luftader, arteria .. *артерия*; Lungen-Kraut, pulmonaria .. *Пулмонария* трава...) [7, с. 96].

Кроме того, сопоставление двух изданий данного труда (1731 года и 1782 года), проведенное А.А. Алексеевым, позволяет с достаточной степенью условности выявить некоторые новые слова, появившиеся за 50 лет. Достаточная неопределенность в квалификации того или иного языкового знака как нового факта языка объясняется А.А. Алексеевым отсутствием в словаре специальных помет, отмечающих новизну слов. В ряде случаев второе издание (1782) включает новое слово, неизвестное первому изданию (1731), но употребляемое в источниках начала XVIII века, например: *бандит* (с 1710) [подробнее см.: 2]. Тем не менее сравнение двух редакций Лексикона Э. Вейсмана дает возможность показать некоторые черты языкового развития в лексике русского языка XVIII века.

Другие словари данной эпохи продолжают основную тенденцию недифференцированного включения в состав новых слов либо в качестве переводных эквивалентов (в словарях двуязычных и многоязычных), либо в качестве элементов словарика с целью дальнейшего толкования.

Особое место среди лексикографических изданий рассматриваемого хронологического периода занимает рукописный «Лексикон вокабулам новым по алфавиту», подготовленный по поручению Петра I. Именно в период царствования Петра Великого были предприняты попытки сбора и систематизации нового языкового материала. Словарь содержал 503 иноземных слова, обозначающих новые реалии и понятия русского государственного, административного, военного и т.д. устройства Петровской (отчасти допетровской) эпохи. Исследователи обращают внимание на следующий факт: «Поскольку лексическими неологизмами петровской поры были прежде всего заимствования из западноевропейских языков, то, естественно, именно они и составляют содержание Лексикона» [7, с. 73].

Словник отражал новации в сфере военного искусства, мореплавания, дипломатии, администрации и был предназначен специально для объяснения новых лексических единиц этих областей. Словарь был представлен Петру I для корректуры, однако поправки государя закончились на букве «Г». Точное время составления данного словаря неизвестно, однако по ряду оснований можно сделать вывод, что он был подготовлен не ранее 1711 г. и не позже 1725 г. [подробнее см.: 7, с. 73]. Полная доработка словаря не была осуществлена, в связи с чем в свое время он остался ненапечатанным и был издан спустя 200 лет в 1910 году. Как отмечают исследователи, «новое» в «Лексиконе...» понимается как «неизвестное прежде русскому языку, неизвестное, заимствованное извне».

Среди мнений современных исследователей по проблемам неологии обращает на себя внимание некоторая противоречивость в оценке рассматриваемого лексикографического труда и других словарей XVIII в. как особой вехи в становлении неологии и неографии. С.А. Алаторцева подчеркивает, что «объективное наличие лексико-фразеологических новаций в словарях разных типов следует отличать от специального представления неологизмов в словарях в качестве лексикографируемых объектов, в связи с чем переводные, энциклопедические, терминологические словари не могут быть предметом особого внимания в теории неологии, хотя в них присутствуют новации разных типов и в разных функциях. Также исследователь утверждает: «Так, в первых печатных словарях и далее, в XVIII в., дифференцирование нового – нового не проводилось. Отсутствуют какие-либо пометы, пояснения соответствующего толка. Только при специальных исследованиях выясняется, что объективные изменения в языке находят свое отражение в хронологически следующих друг за другом словарях, либо в разных изданиях одного словаря» [10, с. 97]. Мнение С.А. Алаторцевой представляется несколько категоричным. Исследователи обращают внимание на тот факт, что само предназначение «Лексикона вокабулам новым» заключалось в объяснении новых для русского языка того времени лексических единиц и было проведено на высоком для XVIII века уровне развития научной мысли, хотя понимание нового слова как исключительно слова заимствованного является весьма суженным. В связи с этим, высоко оценивая данный лексикографический труд среди всех других словарных изданий XVIII века, согласимся с оценкой Л.Ю. Касьяновой: «Значение этого лексикографического труда невозможно переоценить; фактически он был первым неологическим словарем, отразившим новизну своего времени» [8, с. 7].

Дальнейшая практика составления переводных словарей и словарей иностранных слов показывает, что они зачастую создавались в XVIII в. не только как самостоятельные лексикографические труды. Это были и приложения к различным специальным сочинениям, литературно-художественным журналам. Так, например, двуязычный словопроизводный (этимологический) словарь «Российский Целлариус, или Этимологический российский лексикон» (1771), подготовленный Ф. Гелтергофом и предназначенный прежде всего изучающему русский язык немецкоязычному читателю, содержал специальное приложение «Прибавление чужестранных в российском языке принятых слов». Приложение включало около 400 заимствованных слов с некоторым чис-

лом производных от них. Данный прием позволил ввести в сферу внимания потребителей Словаря и ту лексику, которая, не являясь исконной, вошла в словарный состав русского языка. К числу подобных слов следует отнести лексемы типа *кучер, салфетка, факел, яхта* и др. [7, с. 67; 11, с. 23–24].

Важным лексикографическим изданием, включающим большое количество новой заимствованной терминологической и бытовой лексики конца XVIII века, является «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту...» Н. Яновского, создавший на рубеже XVIII и XIX вв. и опубликованный в Петербурге в 1803–1806 гг. По мнению исследователей, данный словарь представляет собою самое большое собрание иноязычных слов, употребляемых в русском языке к концу XVIII в. В нем более 10 тыс. словарных статей. Источниками словаря стали притекстовые и самостоятельные словари, книги разной тематики, газеты, журналы и даже «обыкновенные разговоры», так как значения слов, встречающихся в них, «не всякому известно» (Н. Яновский). В этом словаре были разработаны приемы толкования иноязычных слов, включающие кроме подбора русских соответствий также и сведения энциклопедического характера. Исследователи справедливо считают, что именно этот словарь является собой первый опыт нового типа словаря новых слов, осуществленный на значительно более высоком лексикографическом уровне [7, с. 74; 12, с. 24]. Л.А. Войнова подчеркивает, что новшеством для лексикографической практики того времени было объединение в одном словаре как только что заимствованных слов, так и давно усвоенных русских языком. Помимо них, в словаре Н. Яновского присутствуют также экзотизмы – слова из редких языков, локализмы – территориально ограниченные слова и окказионализмы, что отмечалось современниками как недостаток словаря [подробнее см.: 13].

Лексикографическая практика XVIII века свидетельствует также и о том, что динамика языкового развития русского языка, в частности его лексической системы, заключалась не только в заимствовании новых словесных единиц. Развитие словарного состава русского языка XVIII века происходило и благодаря возникновению новых слов, образованных в результате использования собственных словообразовательных ресурсов. В поле зрения ученых и составителей словарей XVIII века так или иначе попадали новые единицы, образованные в русском языке на базе собственных словообразовательных ресурсов. Так, Т.В. Цалко, диссертационное исследование которой посвящено анализу неологизмов-наименований лиц в русской лексикографии и современном узусе, отмечает, что в многоязычных словарях, относящихся к наиболее распространенным типам словарей XVIII века, достаточно широко

были представлены словообразовательные неологизмы того времени [12, с. 15].

Еще одним словарем, также недифференцированно фиксирующим новые слова, в особой степени словообразовательные неологизмы, является «Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин разположеное» Ф.П. Поликарпова-Орлова, изданный 1 декабря 1704 г. в Москве. Новые слова отмечаются также в трех изданиях «Нового лексикона на французском, немецком, латинском и российском языках» С. Волčkова (1755 г., 1778 г., 1785 г.). По мнению исследователей, помимо лексических, в словаре наблюдаются и семантические неологизмы. Немало новых для того времени слов содержится и в оригинальном энциклопедическом справочнике В.Н. Татищева «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской». Рукопись лексикона была представлена автором в Академию Наук еще в 1745 г., однако не была в свое время напечатана в связи с тем, что не была доведена до конца из-за смерти В.Н. Татищева в 1750 г. Отбор слов соответствовал намерениям автора сосредоточить свое внимание на описании реалий, связанных прежде всего с Российским государством. Новизна петровского времени нашла отражение и в выборе реестровых слов, и в описании понятий. В лексикон включены названия введенных при Петре I учреждений (адмиралтейство, коллегия и др.), чинов и званий (адмирал, адъютант и др.), даны указания на соотношения исторические и современные автору (Ближний боярин, ныне тайный советник; Верховная боярыня – ныне штатс-дама, Возница Государев – ныне Лейб-кучер и др.) [7, с. 78].

Исследователи отмечают, что новые слова включаются не только в словари иностранных слов или словари энциклопедического характера, но и в толковые словари национального языка. Подробный анализ толковых словарей см. в работах В.В. Виноградова (1977), Р.М. Цейтлин (1958), И.Ф. Протченко (1996), В.А. Козырева, В.Д. Черняк (2000).

Таким образом, для лексикографии XVIII века характерно активное словарно-практическое и теоретико-рефлективное освоение новых слов. Данный период отражает практику недифференцированной фиксации разных типов инноваций (внешних и внутренних заимствований, словообразовательных и семантических неологизмов) в различных типах словарей (в первую очередь в словарях иностранных слов, а также переводных, энциклопедических, толковых словарях) и характеризуется опытом создания специального словаря новых слов («Лексикон вокабулам новым по алфавиту»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сенько Е.В. Теоретические основы неологии / Е.В. Сенько. – Владикавказ, 2001. – 107 с.
2. Алексеев М.П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII в. / М.П. Алексеев. – Л., 1968.
3. Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи средневековья / Л.С. Ковтун. – М.; Л., 1963.
4. Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. / Л.С. Ковтун. – Л., 1975. – 354 с.
5. Ковтун Л.С. Азбуковники XVI–XVII вв. Старшая разновидность / Л.С. Ковтун. – Л., 1989. – 293 с.
6. Вомперский В.П. Словари XVIII века : аннот. указ. / В.П. Вомперский; отв. ред. Н.И. Толстой. – М. : Наука, 1986. – 135 с.
7. История русской лексикографии. – СПб. : Наука, 2001. – 610 с.
8. Касьянова Л.Ю. Векторы неологизации в современном русском языке / Л.Ю. Касьянова; под науч. ред. Н.Ф. Алефиренко. – Астрахань : Астрах. ун-т, 2006. – 148 с.

9. Биржакова Е.Э. Из истории русско-иноязычной лексикографии XVIII века. «Русско-голландский лексикон» Якова Брюса / Е.Э. Биржакова // Словари и словарное дело в России XVIII века. – М., 1980. – С. 23–37.
10. Алаторцева С.И. Проблемы неологии и русская неография : дис. ... д-ра филол. наук / С.И. Алаторцева. – СПб., 1998. – 317 с.
11. Цейтлин Р.М. Краткий очерк истории русской лексикографии (словари русского языка) / Р.М. Цейтлин. – М., 1958.
12. Цалко Т.В. Неологизмы-наименования лиц в русской лексикографии и современном узусе: Эволюция семантической характеристики : дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Цалко. – Ростов-на-Дону, 2001. – 245 с.
13. Войнова Л.А. «Новый словотолкователь» Н. Яновского (1803) и его источники / Л.А. Войнова // Словари и словарное дело в России в XVIII в. – Л., 1980. – С. 45–69.